

*И. И. Мулонец,
Петрозаводск*

**Лимноним *Ильмень* в контексте ареальной дистрибуции
топонимических основ российского Северо-Запада**

Название озера *Ильмень*, сыгравшего исключительно важную роль в ранней истории Верхней Руси, не осталось вне поля зрения исследователей-ономастов. Проанализировав употребление гидронима в старых (до XVI в.) письменных источниках, они представили достаточно убедительный ряд свидетельств смены древней формы *Ильмерь* (в Лаврентьевской летописи – *Ильбрь*) на новую *Ильмень*, произошедшей в

¹³ См.: Thomason S.G., Kaufman T. *Language Contact, Creolization and Genetic Linguistics*. London, 1988.

XVI в. вследствие значительной смены населения на побережьях Ильменя⁷⁷.

Что касается истоков исконного *Ильмерь*, то представленные этимологии можно разделить на две противостоящих группы: индоевропейские и финно-угорские⁷⁸, или, скорее, в обратном порядке, поскольку предпочтение, кажется, отдается финно-угорской интерпретации лимнонима. Она исходит из того, что в древнем *Ильмърь* скрывается сложный по структуре прибалтийско-финский оригинал **Ilmei*, второй элемент которого *-ерь* – это рудимент прибалтийско-финского *-jarvi* 'озеро'. Смена древней форма *Ильмерь* на новую *Ильмень* произошла в XVI в. вследствие значительного притока переселенцев с более южных российских мест. Такая модель с конечным *-ерь/-ер* не является окказиональной. Наоборот, она подтверждается целым рядом лимнонимов в Приильменьи⁷⁹, известна также в Белозерье (ср. оз. *Шидьеро*, *Сивер(ское)*, *Боеро*). И Приильменьи, и Белозерье – это ареал раннего и, что важнее, достаточно массового славянского освоения, растворившего в себе местное финское (в широком смысле) население. В противовес более восточным и северным районам, где происходило постепенное обрусение местного населения через этап двуязычия, повлекшего за собой появление специфических севернорусских моделей топонимов-полтукалек на *-озеро* (*Ильозеро*, *Салозеро*, *Сяргозеро* и т.д.), в Приильменьи и Белозерье пришлое древнерусское население заимствовало названия у местных жителей путем так называемого прямого усвоения, т.е. **Särkijärvi* > **Särkäi* > *Селигер* с характерной диссимилляцией *л/р*, **Ilmajärvi* > **Ilmai* > *Ильмърь*. Такая версия развития представляется вполне логичной, обоснованной и в определенной степени противоречит некоторым индоевропейским параллелям, на что обратила внимание Р.А. Агеева⁸⁰.

Что же касается этимологии первого элемента, то сложилась уже традиция связывать ее с приб.-фин. *ilma* со значением 'воздух, погода'. Сторонник этой гипотезы А.И. Попов мотивирует название озера Ильмень тем, что оно «определяет состояние погоды», и это «представляет характерную черту открытого и бурного Ильменя». Предложенная мотивировка подтверждается устным сообщением П. Аристе о том, что в Эстонии имеется несколько озер с названием *Ilmajärv*, и всем им местное население приписывает свойство опреде-

⁷⁷ Попов А.И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981. С. 46–47.

⁷⁸ Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

⁷⁹ Попов А.И. Географические названия. Введение в топонимику. М., Л., 1965. С. 118–120.

⁸⁰ Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989. С. 216.

леть погоду". Материалы топонимического архива Финляндии, в котором представлено несколько десятков топонимов с основой *ilma* (*Ilmajoki, -järvi, -lampi, -mäki, -niemi*), также содержит целый ряд свидетельств того, что в народном сознании основа *ilma* в названных действительно часто связывается с состоянием погоды⁷⁷.

Существует, таким образом, многократно подтвержденный стереотип, который, видимо, оправдан для ряда названий. Однако не для всех. И здесь прежде всего встает вопрос о потапонимах — названиях рек, среди которых отметим р. *Ильмаза* в басс. реки Суды, р. *Ilmas* (русск. р. *Ильмас — Ильмакса — Ильмаз*) в верховьях р. Паша (басс. р. Свирь). Последнюю Я. Калима приводил в одном этимологическом ряду с лимнонимом *Ильмерь*⁷⁸. Далее, в этот же ряд, возможно, входят р. *Ильмаж* в Новгородской области, р. *Ilme(joki)* или *Ilmetjoki* в северо-западном Приладожье. Семема *ilma* в значении 'погода' для них далеко не очевидна. Складывается впечатление, что этимология, попавшая в научную литературу, основывается на народно-этимологических представлениях, для которых, кстати, свойственно искать подоплеку непонятных, затемненных топооснов в лексике погодных явлений. Наглядным примером может быть название Онежского озера (вепс. *Änine*, фин. *Ääninen*), связываемое в народном сознании с приб.-фин. *ääni* 'голос, шум' из-за бурного характера озера, или основа *voi-*, довольно широко представленная в лимнонимах (т.е. тип *Voijärvi*), соотносимая информаторами с приб.-фин. *voi* 'масло': якобы эти озера долго не замерзают (подобно маслу).

Что же можно предложить взамен? Есть смысл начать поиски истоков топоосновы с того, что наряду с семантикой 'воздух, погода' *ilma* имеет в уральских языках значение 'небо, небесный', которое к тому же может быть примарным (UEW). Оно представлено в целом ряде уральских языков, в том числе известно в карельских диалектах, а в ближайшем родственнике прибалтийско-финских языков саамском значение 'небо' для лексемы *äl'bme* вообще является главным, стержневым, семантика 'метель, буря' имеет ограниченное диалектное бытование (Nielsen, KKLS, SSA). Саамское *äl'bme* родственно приб.-фин. *ilma* и восходит к общему прибалтийско-финско-саамскому праязыковому истоку **ilma*. Перспективность семантики 'небо, небесный'

⁷⁷ Попов А. И. Следы времен мигуваших. С. 47.

⁷⁸ Ср., например, название оз. *Ilmajärvi* на севере Финляндии, существующее параллельно с вариантом *Tuuljärvi* (*tuuli* 'ветер'). Или мыс *Ilmatietti* (*tietti* 'мыс'), на котором, по свидетельству информанта, рыбаки пережидали непогоду (Топонимический архив Финляндии).

⁷⁹ *Kalima J. Zu den ähl. Sibilanten der ostseefinnischen Ortsnamen im Russischen // FUF 28. Helsinki, 1944 S. 159.*

для интерпретации топоосновы *ilma-* заключается в том, что она укладывается в универсальные представления о том, что реки текут сверху вниз, что у них есть своя вершина, голова⁹⁸. Это подтверждается исключительной продуктивностью основ *larva-* 'вершина, исток', *paä-* 'голова', *yhä-* 'верх' и даже *taivas-* 'небо' (последняя не входит в число продуктивных, хотя встречается) в наименованиях верхних, водораздельных озер.

Для предлагаемой этимологии (*ilma* 'небо, небесный') очень важно то, что географическая характеристика рек и озер, в названиях которых представлена основа *ilma-*, подтверждает такую интерпретацию, поскольку основа действительно привязана к верхним, водораздельным, замыкающим водную систему водным объектам. Проиллюстрируем это двумя достаточно наглядными примерами с территории северо-западного Приладожья. Первый – озеро *Ilmajärvi* (специфическая тетка Ильменя), находящееся в истоках обширной и разветвленной водной системы, впадающей с севера в р. Вуоксу. За озером *Ilmajärvi* на север начинается широкий водораздел, за которым располагается обширная система озер центральной Финляндии. *Ilmajärvi*, таким образом, пограничное озеро, расположенное на границе (водоразделе) водных систем, и если двигаться со стороны Вуоксы на север, оно будет крайним, замыкающим этот водный путь.

Второй пример – река *Ilmetjoki* или *Ilme(joki)*, тоже в северо-западном Приладожье, в районе российско-финляндской границы. Существующие варианты позволяют реконструировать в качестве исходной топооснову **ilmes*, имеющую в косвенных падежах вид *ilme-*. Вариант с конечным *-i* (*Ilmet-*) вызван характерной для приладожской топонимии субституцией примарных конечных согласных атрибутивного элемента (особенно *-s*, *-h*) как *-i*⁹⁹. В русле языковых закономерностей можно полагать, что приладожское *ilmet-* соответствует присивирскому *ilmas-*, и в основе обоих топонимов, таким образом, находится оформленный специфическим топонимным суффиксом этимон *ilm-*. Река впадает в Вуоксу в самых низовьях последней, а вытекает из озера *Ylimäinen* (<Верхнее>), которое, добавим, отделяется полукилометровой длины водоразделом от озера *Torsanjärvi*, имеющего выход на систему озер внутренней Финляндии. Реки, может быть, не столь четко, как озера, могут быть названы 'верхними' или 'нижними' в соответствии с их положением внутри водной системы. С другой стороны, в гидронимии

⁹⁸ Семантическое развитие 'небо' → 'верх' входит в ряд универсальных и подтверждается, к примеру, наименованиями гор, возвышенностей, седл с основой *lähä-* 'небо' и *ilma-*, маркирующими самые высокие в окрестностях места

⁹⁹ *Näsiö J' Suomen Karjalain nimistö Joensuu, 1975. S. 273–274*

Севера известны сугубо речные модели, в которых отражается именно верхнее положение реки (ср. *Илекса* в Обонежье и Белозерье, *Öland, Юлонда* в Присвирье). Присвирская р. *Ильмакса*, располагаясь в самых верховьях бассейна р. Тутока, вполне может рассматриваться как 'верхняя'.

По географической характеристике озеро Ильмень, принимающее в себя воды рек Мста, Шелонь, Ловать и других более мелких, не вполне соответствует тому, что принято понимать под верхним, водораздельным озером. Однако, находясь в истоках Волхова, оно, безусловно, могло быть охарактеризовано как 'небесное' (читай 'верхнее') по отношению к Ладожскому озеру и, таким образом, входить семантически в один ряд с представленными выше гидронимами.

Теперь возникает следующий существенный вопрос: в каком языке возникла гидронимная основа *ilm-*? Можно ли считать ее прибалтийско-финской? Такое предположение вызывает ряд осложнений. Во-первых, семантика 'небо, небесный' находится на периферии семантического спектра лексемы в прибалтийско-финских языках. Во-вторых, настораживает ареал гидронимов на *ilm-*. Он достаточно расплывчат и разрежен, тянется из Белозерья через Присвирье в Приладожье, располагаясь, таким образом, на границе Балтийского и Волжского бассейнов (рис. 1). Ареал нетипичен и для саамских топонимов (основа практически не представлена в топонимии Карелии и внутренней Финляндии, богатых древней саамской топонимией), хотя как раз фонетически, казалось бы, можно предполагать, что гидронимы на *ilma-* имеют саамские истоки: саам. *äl'bme-* действительно могло бы усвоиться в прибалтийско-финскую среду как *ilma-*. Об этом свидетельствуют некоторые известные ранние саамские заимствования в финском языке, в которых (как и в топонимии *ilma-*) саам. *ä* первого слога передано в финском через *i*: *iltti* 'язычок обуви; верх или передок кожаной обуви' < саам. *äldäs* 'головка обуви', *ilminen* 'человек; реальный, действительный' < саам. *äl'bmä*. С возможностью саамского происхождения согласуется и семантика основы *äl'bme* 'небо'.

Однако это предположение вступает в определенное противоречие со следующим обстоятельством. На территории Карелии и Финляндии (где, напомним, основа *ilma-* непродуктивна) обнаруживается целый ряд лимнонимов с основой *elm-*: *Elmüz, Elmisjärvi, Elmiddarvi, Elmüsjarvi, Elmilambi* и др. (рис. 2а, 2б). Это небольшие по размерам озера, расположенные исключительно в верховьях, в истоках водной системы. Они замыкают собой водный путь, находятся в его верхней точке. К примеру, оз. *Elmüz – Elmüz(darv)*, русск. оз. *Эльмус*, является верхним в системе озер, стекающих с севера в Кондопожскую губу Онежского озера.

Если подниматься по этой цепочке с юга, из Онежского озера, то она выглядит следующим образом: Онежское озеро ← Нигозеро ← оз. Сандал ← Кривозеро ← Пальезеро ← оз. Эльмус.

Подобная географическая характеристика, а также бесспорная фонетическая близость с основой *ilm-* позволяют утверждать, что перед нами этимологически одна и та же основа, представленная, однако, двумя разными фонетическими вариантами.

Финляндский топонимист В. Ниссиля, в поле зрения которого попал лимоним *Elimyjärvi* в северо-восточной Финляндии (в районе Кухмо), считает, что он входит в один ряд с наименованиями озер *Elämajarvi*, *Elämäinen*, *Elämänjärvi* и др., восходящими, по мнению исследователя, к разным производным от основы *elä-* 'жить, проживать' и связанными с промысловой деятельностью финнов, с возможностью проживания и обеспечения себя рыбой на упомянутых озерах²². Однако в контексте зафиксированных на территории Карелии *Elmuiz*, *Elmüsjärvi* и др. финляндское *Elimyjärvi*, скорее, имеет другие истоки и восходит к первоначальной основе *elm-* с последующим появлением вставного *i* (фин. *švaa-vokaali*) в позиции между двумя согласными (по типу *silmä* → *silmä*, *ilma* → *ilma*)²³. Дialect Кухмо, кстати, входит в тот ареал, в котором представлено данное фонетическое явление²⁴.

Перед нами, таким образом, два фонетических варианта топонимической основы, из которых первый (*ilm-*) представлен южнее второго (*elm-*), при этом оба функционируют в наименованиях 'верхних' озер и рек, что позволяет предполагать в них имеющую финно-угорские истоки лексику *ilma* 'небо, небесный'. Фонетический облик основ позволяет увязывать их с разными этапами саамского языкового развития. Известный финский лингвист М. Корхонен предложил для северосаам. *äl'bme* следующую реконструкцию: *äl'bme* < п.-прасаам. **el'mē* < р.-прасаам. **el'ma* < прап.-ф.-с. **ilmā*²⁵. Тот саамский диалект, который дал основу *elm-*, был, судя по качеству начального гласного, близок к позднепрасаамскому языковому состоянию. В связи с этим стоит упомянуть, что в восточных саамских диалектах, колтта и кильдинском, отодвинутый назад *e* в определенных ситуациях сохранился до сегодняшнего дня, а в

²² Nissilä V. Puhutusalan vanhaa nimitystä // Puhutusalan kaja. Pieksämäki, 1964. S. 78–79.

²³ Здесь мы не беремся судить об истоках топонимической основы *elämä-* в целом ряде лимонимов Финляндии, хотя связь ее с ирригарным **elm(a)-* не исключена. Географическая характеристика не противоречит этому предположению. Закреплением вставного гласного могло способствовать внешнее сходство с понятием, привычной лексемой *elämä* 'жизнь'. Протестический *i* не исключен и в гидронимах типа *Elimyjärvi* – *Elimyjärvi* на востоке Финляндии, в районе Иломанси – Пелельсъярви.

²⁴ Keinonen I. Suomen murteet III. A. Murrekartasto. Helsinki, 1940. S. 199–200.

²⁵ Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981. S. 79.

большинстве диалектов наблюдается дальнейшее развитие процесса продвижения гласного назад²⁶. Тот же диалект, который был представлен в Присвирье и на смежных территориях, отражал, видимо, более древнее языковое состояние в смысле развития гласного *ä*, который в нем соответствовал раннепрасаамскому очень переднему напряженному *e*, близкому по звучанию к *i*, или даже еще более раннему облику звука. Вспомним в связи с этим вновь о тех древних саамских заимствованиях в финских говорах, в которых саам. *ä* первого слога передано через *i*, что предполагает, что в момент заимствования в саамском слове был еще звук, близкий к *i*. Э. Копонен, пожалуй, последний анализировавший эти заимствования, обращает внимание на их древний облик и считает возможным возводить их к прасаамскому времени, оговаривая, правда, что в прибалтийско-финских языках заимствования могли подвергнуться «регрессивной» адаптации, удревнившей их фонетический облик²⁷. Исследователи проявляют понятную осторожность в определении хронологии ранних прибалтийско-финско-саамских контактов, поскольку тот лексический материал, которым они вынуждены оперировать, все же чрезвычайно ограничен. Привлечение ономастических данных с их точной локализацией позволяет не только значительно его расширить, но и конкретизировать хронологию контактов за счет вычерчивания ареалов топооснов.

Если предложенная здесь реконструкция хотя бы в общих чертах верна (что в контексте приведенных выше апеллятивных заимствований, а также с учетом вырисовывающихся ареалов противостоящих друг другу основ *ilm-* и *elm-* кажется вероятным), это означает, что саамы периода ранних саамско-вепсских контактов в южном Присвирье сохранили в языке черты, близкие к праязыковому. Для понимания механизма усвоения основы в прибалтийско-финские топонимы существенно то обстоятельство, что в прибалтийско-финских языках семантика 'небо, небесный', свойственная для праязыкового **ilma*, или исчезла совсем, или отодвинулась на самую периферию семантического поля, поскольку в них уже рано появилось балтийское заимствование *lāvas* 'небо'. Продвижение прибалто-финнов в Приладожье и Присвирье сопровождалось усвоением топонимии предшествующего населения. Наряду со многими другими названиями они восприняли ряд гидронимов с основой *ilm-* (возможно, и *ilmas-*), которая в их

²⁶ Korhonen M. Jobdatius lapin kielten historiaan. S. 83

²⁷ Koponen E. Lappische Lehnwörter im Fennischen und Karelischen // Lapponica et Uralica. 100 Jahre Geschwägiges Unterricht an der Universität Uppsala. Vorträge am Jubiläumssymposium 20–23 April 1994. Uppsala, 1996. S. 97.

языковом сознании естественно соотносится с хорошо известной прибалт.-финн. лексемой *ilma*, из семантического поля которой было выбрано значение '(плохая) погода' как наиболее подходящее для народно-этимологической интерпретации гидронимов. 'Небесные, верхние' озера стали 'бурыльми', и названия стали восприниматься как свои, понятные.

К тому времени, однако, когда карелы начали осваивать территорию к северу и северо-востоку от Ладожского озера, в тогдашнем саамском языке ареала центральной Карелии успело уже произойти в соответствии с логикой фонетического развития расширение раннего узкого, близкого к *i* звука в *e* (*ilm* → *elm*), и в этом новом облике гидрооснова уже не могла быть соотносена карелами со своим словом *ilma*. К тому же, видимо, и конечное оформление основы формантом *-Us* было препятствием для такого соотношения. Так саамские 'небесные, верхние' озера стали для карелов *Эльмус-* и *Эльмитозерами*.

Основа *ilm/elm* представляет собой достаточно редкий в топонимии случай точной, т.е. подтвержденной географическими реалиями, этимологии. В совокупности с выявленным ареальным противостоянием двух фонетических вариантов, а также фактом наличия древних саамских заимствований, в которых также прослеживается передача саамского *i* или *e* через *i*, это обстоятельство позволяет рассматривать гидронимную основу *ilm-* в районе южного Обонежья как своего рода эталон для поисков этимологов других основ, толкование которых не столь однозначно. Знание того, что в Прионвье современное саамское *i* или *e* могло быть воплощено как *i*, дает толчок для интерпретации еще нескольких гидронимных основ.

Среди них *pä-vänt-*, представленная наименованиями двух озер: *Pillarv* (русск. *Питозеро*) в верховьях р. Сондалы (басс. р. Оять) и оз. *Pitsozero* на обрусевшем кашлинско-ташском водоразделе. Из озера вытекает р. Пить, правый приток р. Паша. В истоках можно предполагать этимон, родственной современному саам. *bättä, peđđi* 'зад, задница', а также очень показательное для топонимии, очевидно, секундарно развившееся значение 'конец фьорда или залива' (Nielsen). Интерпретация не противоречит географическим фактам и согласуется с тем, что данная семантическая модель обладает признаками универсальной, она, к примеру, хорошо известна в прибалтийско-финских лимнонимах, ср. в бассейне Свирь *Perzedarv* или оз. *Перзак* (СГЭС), вепс. *perze* 'зад'. Судя по расположению последних, мотивация вепсских гидронимов связана с их задним, последним, крайним расположением относительно водного пути. Такая же ориентация по основной реке свойственна и озерам, в названиях которых выступает основа *pä-*. Что касается звуковой стороны, то современные саамские диалектные варианты позволяют реконструировать праязыковое **pe/le* 'зад' (Lehtiranta), в котором гласный первого слога аналогичен реконструируемому в прасаамском **elme* 'небо', что даст повод соответственно предполагать и аналогичную цепочку в фонетическом развитии лексемы. В этом плане существенно то, что основа с

гласной *i* в первом слове не распространяется на север от Приисырья. Есть основания – прежде всего географического свойства – полагать, что там ей на смену приходит *pe-*, т.е. основа с гласным *e* в первом слове (ср. аналогичное противопоставление *ilm* – *elm*), воплотившаяся в озерах наименованиях: оз. *Peldaru* (русск. *Петзеро*), замыкающее сверху цепь озер, дающее начало р. Шелтозерке (басс. Онежского озера), оз. *Petozero* на восточном берегу обширного Ведлозера, в верховьях р. Кура (басс. р. Видлива), оз. *Petusjärvi* (басс. Симозера), расположенное сбоку от Кивач, с которой соединяется короткой протокой.

Древнее *i* на месте современных более широких звуков отразилось, возможно, и в присырском топониме *Ликозеро* – названии озера, являющегося фактическим истоком р. Шюкка, одного из значительных притоков Пашки. Однако у озера есть еще одна приметная географическая особенность, которая и могла послужить основанием для рождения топонима. Будучи истоком системы р. Шюкка, расположенной к западу от Ликозера, озеро одновременно восточным своим берегом обращено к р. Капше, находясь в непосредственной близости к побережью последней. По географической характеристике Ликозеро является типичным 'боковым, сторонним' озером по отношению к течению Капши, и поэтому в его истоках позволительно реконструировать саам. *lák'ke* (< **lëkkä* < **likke*) 'сторона, половина, бок' или *lák'kå* (< **lëkë* < **like*, ср. фин. *liki*) 'рядом, близко'. Первая возможность кажется более привлекательной в связи с глухим согласным в интервокальном положении: вепская адаптация довольно последовательно озвончала одиночные согласные в этой позиции. Несмотря на свои незначительные размеры, озеро – как связующее звено между двумя водными путями – видимо, всегда имело довольно важное значение (через него и сейчас проходит лесная дорога, пересекающая водораздел между Капшей и Пашкой), что и могло способствовать сохранению его названия.

Древний облик гласного сохраняет известное в белозерских говорах чьльма 'оно в болоте': совр. саам. *čá'lmë, čá'lm* 'глаз' < **čęlmë* (*Lehtiranta*) < **šilme*⁸⁸. Он отразился, очевидно, и в гидронимной основе *Ширб-* (ср. оз. *Ширбозеро*, оз. *Ширбозеро* в южном Обонежье): саам. *sárvá, sárv* 'лось' < **šęrvę*, ср. фин. *hirvi*.

⁸⁸ Ср., однако, интерпретацию, предложенную А.К. Матвеевым для севернорусским *Ликозеро*, в котором данная савская лексема (*lák'ke*) используется для этимологии первого элемента топонима (см.: Матвеев А.К. Происхождение основных пластов субстратной топонимики Русского Севера // Вестн. языковедения 1969. № 5. С. 46.), т.е. автор исходит из соответствия саам. *á* – русск. *а*.

⁸⁹ Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. S. 79.

Рис. 1. Ареалы гидропной с основой *ilm-ilm* на северо-западе России

- * *ilm-*
- ▲ *elm-*

Рис. 2а

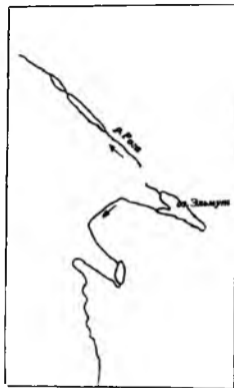
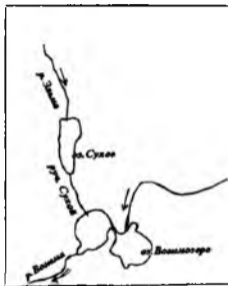

Рис 26